

Михаил Эпштейн

ЭССЕ ОБ ЭССЕ

Эссе - частью признание, как дневник, частью рассуждение, как статья, частью повествование, как рассказ. Это жанр, который только и держится своей принципиальной внежанровостью. Стоит ему обрести полную откровенность, чистосердечность интимных излияний - и он превращается в исповедь или дневник. Стоит увлечься логикой рассуждения, диалектическими переходами, процессом порождения мысли - и перед нами статья или трактат. Стоит впасть в повествовательную манеру, изображение событий, развивающихся по законам сюжета, - и невольно возникает новелла, рассказ, повесть.

Эссе только тогда остается собой, когда непрестанно пересекает границы других жанров, гонимое духом странствий, стремлением все испытать и ничему не отдаться. Стоит остановиться - и блуждающая сущность эссе рассыпается в прах. Едва откровенность заходит слишком далеко, эссеист прикрывает ее абстрактнейшим рассуждением, а едва рассуждение грозит перерасти в стройную метафизическую систему, разрушает ее какой-нибудь неожиданной деталью, посторонним эпизодом. Эссе держится энергией взаимных помех, трением и сопротивлением не подходящих друг другу частей. В самой глубине эссе, какому бы автору оно ни принадлежало, звучит некая жанровая интонация - неровная, сбивчивая: постоянное самоодергиванье и самоподстегиванье, смесь неуверенности и бесцеремонности, печаль изгнанника и дерзость бродяги. Эссеист каждый миг не знает, что же ему делать дальше - и поэтому может позволить себе все, что угодно. Он постоянно испытывает нужду, недостаток - и походя, в одной строке или строке, тратит такие сокровища, которых другим хватило бы на долгую и безбедную жизнь целого романа или трактата.

Хороший эссеист - не вполне искренний человек, не очень последовательный мыслитель и весьма посредственный рассказчик, наделенный бедным воображением. Грубо говоря, эссе так же относится ко всем другим жанрам, как поддавки - к шашкам. Тот, кто проигрывает в романе или трактате, не умея выдержать сюжета или системы, тот выигрывает в эссе, где только отступления имеют ценность. Эссе - искусство уступки, сдачи, и побеждают в нем слабейшие. Основоположник жанра Мишель Монтень почти на каждой странице своих "Опытов" признается в своей творческой и умственной слабости, в отсутствии философских и художественных дарований, в бессилии сочинить что-либо выразительное, законченное и общепольное. "...Тот, кто изобличит меня в невежестве, ничуть меня этим не обидит, так как в том, что я говорю, я не отвечаю даже перед собою, не то что перед другими, и какое-либо самодовольство мне чуждо... Если я и могу иной раз кое-что усвоить, то уж совершенно неспособен запоминать прочно. ...Я заимствую у

других то, что не умею выразить столь же хорошо либо по недостаточной выразительности моего языка, либо по слабости моего ума" (эссе "О книгах"1).

Эссе родилось из сочетания плохой, бессистемной философии, плохой, отрывочной беллетристики, плохого, неоткровенного дневника - и вдруг оказалось, что именно в своей неродовитости этот жанр необычайно гибок и хорош. Не обремененный тяжелым наследством, он, как всякий плебей, лучше приспособляется к бесконечно текучим условиям жизни, к разнообразию пишущих личностей, чем жанры, ведущие свое родословие от древности. Эссеизм - это смесь разнообразных недостатков и незаконченностей, которые внезапно дают обозреть ту область целого, которая решительно ускользает от жанров более определенных, имеющих свой идеал совершенства (поэма, трагедия, роман и пр.) - и потому отрезающих все, что не вмещается в его рамки. В эссе соединяются: бытийная достоверность, идущая от дневника, мыслительная обобщенность, идущая от философии, образная конкретность и пластичность, идущая от литературы.

И тут внезапно выясняется, что эссе не на пустом месте возникло, что оно заполнило собою ту область цельного знания и выражения, которая раньше принадлежала мифу. Вот где корни этого жанра - в древности столь глубокой, что, возникнув заново в 20-ом веке, он кажется безродным, отсеченным от традиции. На самом деле эссе устремляется к тому единству жизни, мысли и образа, которое изначально, в синкретической форме, укоренялось в мифе. Лишь потом эта цельность мифа разделилась на три больших, вновь и вновь ветвящихся древа: житейское, образное и понятийное; описательно-документальное, художественно-фантазийное и философско-мыслительное. И тончайшая, жалчайшая веточка эссеистики, пробившаяся в расселине этих трех огромных разветвлений мифа, вдруг, дальше вытягиваясь и разрастаясь, оказалась преемницей главного ствола, средоточием той жизне-мыслеобразной цельности, которая давно уже раздробилась в прочих, дальше и дальше расходящихся отраслях знания.

И теперь, в век возрождающейся мифологии, опыты целостного духовного созидания все чаще выливаются именно в эссеистическую форму. У Ф. Ницше и М. Хайдеггера эссеистической становится философия, у Т. Манна и Р. Музиля - литература, у В. Розанова и Г. Марселя - дневник. Уже не периферийные, но центральные для культуры явления приобретают оттенок эссеистической живости, беглости, непринужденности, недосказанности. Отовсюду растет тяга к мифологической цельности, которая в эссе дана не как осуществленность, а как возможность и влечение. Почти все новейшие образы-мифологемы: Сизиф у Камю, Орфей у Маркузе, доктор Фаустус и "волшебная гора" у Т. Манна, "замок" и "процесс" у Кафки, "полет" и "цитадель" у А. Сент-Экзюпери - порождены эссеистической манерой

письма: отчасти размышляющей, отчасти живописущей, отчасти исповедующейся и проповедующей, т.е. стремящейся извести мысль из бытия и провести в бытие. В русло эссеизма вливаются полноводнейшие течения литературы и философии, отчасти даже науки 20-го века: К. Юнг и Т. Адорно, А. Швейцер и К. Лоренц, А. Бретон и А. Камю, П. Валери и Т. Элиот, Х. Л. Борхес и Октавио Пас, Я. Кавабата и Кобо Абэ, Г. Миллер и Н.Мейлер, С. Зонтаг и Октавио Пас. В России - Вяч. Иванов, Лев Шестов, Дм. Мережковский, М. Цветаева, О. Мандельштам, В. Шкловский, И. Эренбург, А. Солженицын, И. Бродский, А. Синявский, Г. Гачев, А.Битов, С. Аверинцев.

Эссеизм - направление гораздо более широкое и мощное, чем любое из философских или художественных направлений, шире, чем феноменология или экзистенциализм, сюрреализм или экспрессионизм, и т.д., - именно потому, что он не есть направление одной из культурных ветвей, а есть особое качество всей современной культуры, влекущейся к неомифологической цельности, к срастанию не только образа и понятия внутри культуры, но и ее самой - с бытием за пределом культуры. Эссеизм - область творческого сознания столь же всеобъемлющая, стоящая над теми течениями, которые в нее вливаются, как и мифология, из которой все они истекли.

Но есть глубокая разница между мифологией, возникшей до всяких культурных расчленений, и эссеизмом, возникающим впоследствии на их основе. Эссеизм соединяет разное: образ и понятие, вымысел и действительность, но не уничтожает их самостоятельности. Этим эссеизм отличается от синкретической мифологии древних эпох и от тотальных мифологий XX века, насильственно сочленяющих то, что естественно не расчленилось в древности, а именно: требующих признать идеал - фактом, возможность и даже невозможность - действительностью, отвлеченную мысль - материальной силой и двигателем человеческих масс, одну личность - образцом для всех других личностей. Эссеизм воссоединяет распавшиеся части культуры - но оставляет между ними то пространство игры, иронии, рефлексии, остраненности, которые решительно враждебны догматической непреклонности всех мифологий, основанных на авторитете.

Эссеизм - мифология, основанная на а в т о р с т в е. Самосознание одиночки опробывает все свои возможные, поневоле относительные связи в единстве мира. Свобода личности не отрицается здесь в пользу "обезличивающего" мифа, но вырастает до права творить индивидуальный миф, обретать внеличное и сверхличное в самой себе. Эта авторская свобода мифотворчества, включающая свободу от надличной логики самого мифа, формирует сам жанр. Эссе постоянно колеблется между мифом и не-мифом, между тождеством и различием: единичность совпадает с общностью, мысль - с образом, бытие со значением, но совпадают не до конца, выступают краями, создающими неровность, сбив... И только так, уповая на целое, но не

забывая о разности его составляющих, может сбыться современное мироощущение.

Эссе буквально означает "опыт" - и таковым оно всегда остается. Это - экспериментальная мифология, правда постепенного и неокончательного приближения к мифу, а не ложь тотального совпадения с ним. Эссеизм - это попытка предотвратить как распыление культуры, так и ее насильственное объединение; как плюрализм распавшихся частных, так и централизм нетерпимого целого; как раздробленность узкопрофессиональной светской культуры, так и монолитность обмирщенного культа, возрождаемого с тем более фанатическим рвением, чем менее соединимы разошедшиеся края фантазии и реальности и чем труднее их спаять в непреложный догмат веры.

Эссеизм - это опыт объединения без принуждения, опыт предположить совместимость, а не навязать совместность, опыт, оставляющий в сердцевине нового Целого переживание неуверенности, пространство возможности, то осторожное монтеневское "не умею", "не знаю", которое единственно свято перед лицом сакрализирующей массовой мифологии. "Мое мнение о вещах не есть мера самих вещей, оно лишь должно разъяснить, в какой мере я вижу эти вещи" (М. Монтень²). Дерзость виденья - и благоговение перед самими вещами. С м е л о с т ь п о с ы л о к - и к р о т о с т ь в ы в о д о в. Только благодаря этим двум дополнительным условиям, содержащимся в эссе, может создаться в наш век нечто поистине хорошее...

Наше эссе изменило своей теме "эссе", перейдя на значительно более широкое, несущее надежду всей культуры, понятие "эссеизма". Но кажется, только изменяя своей теме, эссе может оставаться верным своему жанру.

1982

1 Мишель Монтень. Опыты, в 3 книгах, кн. 1-2, М., "Наука", 1980, с. 355, 356. Ср. в эссе "О самомнении": "Кроме того, что у меня никуда негодная память, мне свойствен еще ряд других недостатков, усугубляющих мое невежество. Мой ум неповоротлив и вял", и т. д. (с. 581).

2 Там же, с. 357.